

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

СПОР О ПЛАТОНЕ

*Круг Штефана Георге
и немецкий университет*

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 008(09)
ББК 71.0
М39

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
профессор НИУ ВШЭ
ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Маяцкий, М. А.

М39 Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет [Текст] / М. А. Маяцкий; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 344 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0908-1 (в пер.).

Интеллектуальное сообщество, сложившееся вокруг немецкого поэта Штефана Георге (1868–1933), сыграло весьма важную роль в истории идей рубежа веков и первой трети XX столетия. Воздействие «Круга Георге» простирается далеко за пределы собственно поэтики или литературы и затрагивает историю, педагогику, философию, экономику. Своеобразное георгеанское толкование политики влилось в жизнестроительный проект целого поколения накануне нацистской катастрофы. Одной из ключевых моделей Круга была платоновская Академия, а сам Георге трактовался как «Платон сегодня». Платону георгеанцы посвятили целый ряд книг, статей, переводов, призванных конкурировать с университетским платоноведением. Как оно реагировало на эту странную столь неакадемическую академию? Монография М. Маяцкого, опирающаяся на опубликованные и архивные материалы, посвящена этому аспекту деятельности Круга Георге и анализу его влияния на науку о Платоне.

Автор книги — М.А. Маяцкий, PhD, профессор отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ.

УДК 008(09)
ББК 71.0

ISBN 978-5-7598-0908-1

© Маяцкий М.А., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11
I. КРУГ ГЕОРГЕ, НАУКА И АНТИЧНОСТЬ	13
1. История философии versus рецепция	13
2. Поэт и вокруг	15
3. Эпистемология георгеанской <i>scienza nuova</i>	28
4. «Эллада вечная любовь»	37
II. У ИСТОКОВ ГЕОРГЕАНСКОЙ ПЛАТОНОЛАТРИИ (1910–1913)	47
1. Почему Платон?.....	47
2. Платон и Георге: священный альянс (против Виламовица?)	51
3. Апофеоз «Пира»	72
4. О пользе «организованных» рецензий	79
III. К «ГЕШТАЛЬТУ»: ФРИДЕМАН	89
1. К био-библиографии	89
2. Первая «гештальтовая» книга	92
3. Реакция на книгу.....	99
4. Опус Фридемана: роль и место	105
IV. ПЛАТОН И УТОПИЯ: ЭДГАР ЗАЛИН	110
1. К био-библиографии	110
2. Об истории книги	113
3. Залинов Платон	121
4. Восприятие книги	133

V. ПЛАТОН ОСНОВАТЕЛЬ: КУРТ ЗИНГЕР.....	139
1. К био-библиографии	139
2. Путь к Платону, путь к Георге	143
3. Платоновский опус Зингера.....	149
4. Реакции на книгу.....	160
5. Трагикомическая развязка	163
VI. ТРИУМФ ПЛАТОНА: КУРТ ХИЛЬДЕБРАНДТ	173
1. Специалист по расовому вопросу как современный ученый-универсал.....	173
2. Во главе георгеанского платонизма	180
3. Реакция на opus magnum.....	188
4. На службе Платону и режиму	192
VII. «МАЛЫЕ» ПЛАТониКИ ИЗ ГЕОРГЕАНЦЕВ (И «МАЛЫЕ» ГЕОРГЕАНЦЫ ИЗ ПЛАТониКОВ)	200
1. Вильгельм Андреэ.....	200
2. Роберт Бёрингер	202
3. Йозеф Лигле	204
4. Карл Райнхардт	209
5. Пауль Людвиг Ландсберг.....	210
6. Эдит и Михаэль Ландман	212
7. Рената фон Шелиха.....	214
8. Пауль Фридлендер	215
9. Гельмут фон ден Штайнен	218

VIII. ТОПИКА НОВОГО ПЛАТОНА	220
1. Форма и аппарат	220
2. Терминология и стиль	224
3. Стратегии (авто)герменевтики	230
4. Сократ предтеча	245
5. Платон спаситель целостности	249
6. Обожественная плоть	251
7. Упоение против разума	255
8. Духовная империя	258
9. Политика как воспитание	261
10. Платон вождь	267
11. Анахронизм как прием	270
12. Теория идей и «узрение»	272
13. Платоноведческие проблемы	276
IX. ГЕОРГЕАНСКОЕ ЭХО В ПЛАТОНОВЕДЕНИИ	282
1. «Третий гуманизм»	283
2. Отвержение	288
3. Сочувствие	290
4. Случай Гадамера	297
5. Случай Хайдеггера	299
6. Реабилитация георгеанской тематики	302
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	307
БИБЛИОГРАФИЯ	311

Если огня кто бежит,
Спутником станет огню.

*Штефан Георге*¹

¹ «Wer je die flamme umschritt, / Bleibe der flamme trabant!», из сборника «Звезда союза» (1914, I, 382). Здесь и далее Ш. Георге цитируется по двухтомнику, вышедшему в 1976 году. Здесь и везде, где нет других указаний, перевод мой. — М. М.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уникальный союз учеников-послушников вокруг немецкого поэта Штефана Георге, знаменитый «George-Kreis», давно стал легендой европейской интеллектуальной истории рубежа XIX–XX веков и первой трети XX века. Близкий к георгеанцам в 1920-е годы Ханс-Георг Гадамер выразил ощущение многих современников: из Круга Георге исходила твердая вера в то, что «вне церкви нет спасения», что истина держится только коллективным усилием увлеченных одним идеалом людей, и что, следовательно, оставшиеся вне Круга обречены остаться неприсяжными этой истине. Георгеанцы формулировали свой идеал в терминах вечного и всевременного, но, как водится, именно этим они и были укоренены в злобе дня, в том «духе времени», которому они, как и другие консерваторы и антимодернисты, изо всех сил пытались противостоять и в который, как это становится очевидно при ретроспективном взгляде, они сами вложили свою необходимую и столь узнаваемую лепту. Романтический культ героев и страсть к воплощению требовали от георгеанцев реализации их идеала — в поэзии, скульптуре, афоризме, книге, но прежде всего в Великом Гештальте. На кого равняться? Кого произвести в Pontifex Maximus секулярно-неоязыческого георгеанского культа? Слишком дежурно-всеобщего любимого Гёте? Слишком одинокого Ницше? Слишком скрытно-эзотеричного самого Георге? Постепенно кристаллизуется столь же неожиданный, сколь и самоочевидный выбор: Платон!

Эта книга о том, как поэт и несколько его соратников смогли бросить вызов университетской машине, «ведающей Платоном», как складывалось взаимодействие между кафедрой и иным, беспрецедентным, местом знания и его производства. Сегодня, кажется, от

странного феномена георгеанской платонологии не осталось и следа: имена авторов практически полностью исчезли из научного оборота и даже из — обычно стремящихся к полноте — научных библиографий. Слишком несвоевременно-наивной представляется задача не просто изучать, но *жить и переживать* Платона, слишком быстро устарели стиль и подход георгеанцев, слишком тенденциозна была их политическая мотивация. Но не будем спешить с выводами. Пока мы философствуем, мы продолжаем, по словам Уайтхеда, писать вереницу сносков к Платону. И никому не дано сказать здесь *последнее слово*.

* * *

Книга резюмирует исследование, которое я вел при финансовой поддержке Швейцарского национального фонда¹ и при содействии ряда архивов: в первую очередь Stefan George-Archiv в Штуттгарте (StGA), затем Deutsches Literaturarchiv в Марбахе (DLA), архивов университетов Базеля и Мюнхена, архива и библиотеки издательства «Castrum Peregrini» в Амстердаме, а также Berlin Document Center. Я глубоко признателен коллегам, которые на разных этапах работы оказали мне многоплановое содействие: прежде всего незаменимой Уте Ольман (Ute Oelmann), руководительнице Архива Штефана Георге в Штуттгарте, а также: Адриану Баро (Adrien Barrot), Бернхардту Бёшенштайну (Bernhard Böschenstein), Михаэлю Дефустеру (Michael Defuster), Рольфу и Хильде Фигут (Rolf & Hilde Fieguth), Андре Лаксу (André Laks), Михаэлю Лентцу (Michel Lentz), Михаэлю Нарси (Michel Narcy), Доминику О'Мара (Dominic O'Meara), Марте Родэ-Лигле (Martha Rohde-Liegle), Штефану Бодо Вюрффелю (Stefan Bodo Würffel).

Я приношу им всем глубокую благодарность.
Seid alle ganz herzlich bedankt!

¹ Номер субсидии 101512-100631.

1. Круг Георге, наука и античность

1. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ VERSUS РЕЦЕПЦИЯ

Что удивительного в том, что великого философа внимательно и почтительно изучает поэт и его поэтический кружок? Значительно реже встречается, что чтение и поклонение принимают форму постоянную, систематическую, что, наконец, они воплощаются в многочисленных публикациях, оказывающих воздействие и на университетскую философию, хочет она того или нет. А она, как правило, этого воздействия не хочет, как не хочет и признавать сам его факт.

Рецепцию учения любого великого философа постигают регулярные пересмотры, чистки, переоценки наследия, выпячивание одного и забвение другого его элемента. Она сродни скорее моде, чем упорядоченному накоплению. На нее влияют самые разные силы: внешние «событию мысли» факторы, политические ожидания, литературные качества текста сталкиваются с аспектами «интерналистскими»: с вызреванием толкования, с учетом (или игнорированием) исторического контекста создания произведения или способа мысли, с выяснением важности того или иного момента, с встраиванием мыслителя в ту или иную серию или генеалогию и т.д. Некоторые толкования могут быть объявлены ошибочными в результате долгих, а то и многовековых дискуссий. Другие покидают сцену не потому, что обнаруживают свою откровенную неадекватность, а в силу моральной усталости, ухода активных пропагандистов и других относительно случайных факторов.

В изучении истории идей уместно различить две фигуры, даже если они в некотором смысле «идеаль-

ны». Конкретное историко-философское исследование обычно занято уяснением «самой мысли» философа и если обращается к предыдущим интерпретациям его учения, то чтобы их оспорить или, напротив, чтобы опереться на них в поисках дополнительной легитимации. Исследование же рецепции принимает «самого философа» за вещь-в-себе и сосредоточивается на его интерпретациях. В этом смысле оно представляет собой своего рода вызов (если не пощечину) добропорядочной истории философии: вовсе не обязательно отбрасывая идею прогресса в понимании того или иного философского явления, оно не отказывает в праве на существование никакой из бывших попыток толкования и даже в конечном счете больше интересуется интерпретациями заведомо «ложными» (тенденциозными, пристрастными, преувеличенными, искажающими, гротескными), чем теми «правильными» прочтениями, которых ищут (и часто убеждены, что «нашли») те, кто считает, что существует единственно верный подход к тому или иному философскому учению.

Такая несколько парадоксальная направленность исследования рецепции паразитирует на определенной профессиональной аберрации историка философии. Постоянно общаясь с изучаемым автором (даром что историческая дистанция от него может достигать тысячелетий), он невольно проникается тем убеждением, будто и является (наряду со своими коллегами по цеху) его идеальным читателем — поскольку легитимно обладает способностью к единственно правильному прочтению или, по крайней мере, такового зыскует. Это к *нему* обращался древний автор, на *его* проницательность и эрудицию рассчитывать.

Именно это простительное и, вероятно, плодотворное заблуждение профессиональных наследников философской традиции и оспаривалось в Кругу Георге. Георгеанцы не только не признавали университетскую монополию на истину, но и считали современное профессорство неадекватным, недостойным и неспособ-

ным преемником древнего наследия. Соответственно, себя они считали к этому наиболее пригодными. Почему? На каком основании? На том, что георгеанцы ставили не на знание, а на жизнь (откуда их учебно-энциклопедическое зачисление по разряду «философии жизни»): вопреки духу времени (как они его истолковывали) они приняли решение жить и творить, равняясь на высшие, классические, древние поэтические, художественные и философские образцы, среди которых Платон — не сразу, но тем вернее — занял самое почетное место. В своей эпохе и в ее *Zeitgeist* они видели главного своего врага. Эстетически они были, несомненно, антимодернистами, а политически — активными участниками того, что позднее получило наименование «консервативной революции», при том, разумеется, что георгеанская идиома этими «-измами» не исчерпывается.

Чем же был Круг Георге и, для начала, кем был его харизматический лидер?

2. ПОЭТ И ВОКРУГ

Георге родился в 1868 году в семье винодела, у Рейна, вблизи города Бингена. Область в прошлом находилась под французской юрисдикцией, французский был не вполне чужим языком, и мальчика звали Этьен Жорж, и даже — на местном говоре — «Шорш». С малолетства одаренный к языкам мальчик в 7 лет изобрел для общения с друзьями и новый язык, на который перевел, в частности, начало «Одиссеи». Юношей он немало путешествует по Европе. Первый стихотворный сборник выходит в 1890 году. Но уже после третьего сборника, «Алгabal» (1892), наступает ощущение достижения вершины, выше которой подняться не удастся. Кризис (усугубленный бурной и краткой влюбленностью в Гуго фон Гофмансталя, едва не закончившейся дуэлью) преодолевается постепенно, в многочисленных контактах с символистами и

постсимволистами во Франции, Бельгии, Италии и других странах. В том же 1892 году выходит первый выпуск альманаха «Листки за искусство» («Blätter für die Kunst») — давно задуманного Штефаном органа поэтического Интернационала. Редакция «Листков», затем эфемерная компания «мюнхенских космистов» (Л. Клагес, А. Шулер¹, Ф. Ревентло, К. Вольфскель), салоны Лепсиус и Вольфскеля, многочисленные кружки почитателей поэзии и высокого искусства, и прежде всего Academia Urbana, ассоциация профессоров и студентов, поклонников поэзии и всего высокого в Нидершёнхаузене, становятся ступенями формирования будущего Круга. Параллельно всё более отчетливыми политико-воспитательными императивами наделяются вехи поэтические. Рядом с ауратичной таинственностью и монументальной афористичностью георгеанских сборников («Год души», «Ковер жизни», «Седьмое кольцо», «Звезда союза», «Новая империя») стихи большинства участников «Листков» (здесь публиковались и Вольтерс, и Валентин) часто обнаруживают эпигонский характер². Практически каждый далекий или близкий участник Круга пишет стихи, хотя далеко не каждый проходит строгую эстетическую цензуру Мастера (так всё чаще называют Георге в письмах и дневниках георгеанцы). Множество стихов осталось в письмах, в рукописях³. Любовь к поэзии (как таковой, не только самого Георге) и ее приоритет над всеми остальными сферами жизни (политика, профессия, быт) были абсолютной и само собой разумеющейся заповедью.

¹ Есть все основания полагать, что Вальтер Беньямин позаимствовал понятие 'ауры' у этого фанатика античности, вечного студента и самоучки (Dörr, 2007, 134). Согласно этому исследователю, Беньямин развивался вспять по отношению к эволюции Георге: на смену восхищению георгеанской лирикой пришел интерес к космизму.

² Durzak, 1969.

³ Тщетно пытался опубликоваться в «Листках» и Р.М. Рильке...

Не связанный узами брака, Георге обрел подлинную семью в том, что стало и главным его опусом: в том уникальном союзе, «секрет» механизма которого и до сих пор не вполне понятен. Наименование «Круг Георге» (сначала *Georgischer Kreis* или *Kreis um George*, затем всё более устойчиво *Georgekreis* или, чаще, *George-Kreis*) возникло за пределами Круга и вызвало в нем сначала определенное сопротивление, чтобы затем, с конца 1900-х годов, стать и самоназванием ассоциации. Разбросанная по ряду городов (между которыми он, не имевший, кроме отчего, своего дома, и путешествовал, останавливаясь у друзей), она представляла собой целую серию кружков или пар: учитель/ученик, ведущий/ведомый, но часто без строгого распределения ролей. Пока платоновская Академия не стала ее моделью, она вдохновлялась примером средневековых монашеских или рыцарских орденов или других «мужских союзов». Гомоэротические мотивы для поэзии Георге, впрочем, вполне конститутивны, и наверняка для многих георгеанцев не остались лишь мертвой буквой.

Так описывает механизм жизни Круга германист Клод Давид, оговаривая схематичность своего описания:

Круг никак не напоминал замкнутую секту. Если один из друзей Георге — Вольфскель, Гундольф, Вольтерс — обнаруживал в каком-нибудь юноше⁴ поэтический дар или полагал, что в его манерах угадываются требуемые для новой «знати» качества [...], его приглашали, расспрашивали о том, что он читает, какие у него склонности и взгляды. Ему читали стихи, предлагали почитать самому. Если приходили к выводу, что первое впечатление их не обмануло, то вскоре он принимал участие в обмене идеями, в маленьких праздниках. Завязывались дружеские связи, кристаллизовывались общие интересы. Через

⁴ Юноша мог быть знакомым или сыном знакомого, или студентом члена Круга, или просто незнакомцем, встреченным в парке, на улице, на вокзале. Иногда такая встреча сопровождалась фотосеансом: Георге и георгеанцы очень полагались на физиогномику (и графологию: Л. Клагес).

чтение тех же мастеров и в первую очередь Георге, через медленное взаимное притирание, юношу вводили — без уроков, без доктрины — в образ мысли послушников, в их мораль и закон⁵.

Одни ученики приводили других. Некоторые предпочитали образовывать пары, другие объединялись в более многочисленные группы. Каждый послушник входил в Круг по-своему, и «закон» применялся к каждому по-разному, недаром он был неписанным. Одним Мастер настоятельно не советовал жениться, других привечал с женами и детьми; с одними встречался очень часто, других собой не баловал; с одними переписывался лично, другим передавал свои распоряжения через «секретарей»; одних послушавшихся отдалял постепенно, других изгонял, требуя сжечь письма и т.д. Угадывание «воли Мастера» было для георгеанцев местным спортом, повседневным упражнением.

«Листки за искусство» были не просто печатным органом, но и способом отбора новой поэтической элиты, призванной спасти культуру от разлагающего рационализма. Круг авторов не противопоставлялся читателям, но скорее вербовался из них. Пока что цели формулировались в эстетических, от силы эстетико-социальных категориях. Если здесь — учитывая продолжение — можно было угадать некоторое политическое измерение, то оно выражалось именно в этом координировании усилий, а не в каком бы то ни было участии в политике. Предисловие к 1-му выпуску «Листков» начинается недвусмысленно: «название этого издания говорит отчасти само за себя: служить искусству, особенно поэзии и писательству, исключая всё государственное и общественное»⁶. Во главу угла создатели ставили стремление к духовному искусству на основе новой чувствительности [fühhlweise] и той ремесленной сработанности произведения, которой

⁵ David, [1952], 1967, 309.

⁶ Blätter für die Kunst, I, 1.

сын винодела и мастер на все руки Штефан Георге дал просторечное имя «*mache*».

В «Листках» печатались почти исключительно образцы новой поэзии — прежде всего самого Георге и далее К. Вольфскеля и Г. фон Гофмансталя, а также переводы из Малларме, Верлена, Суинберна, д'Аннунцио. Сборники предварялись, как правило, краткими анонимными передовицами, носившими характер эстетических манифестов и в основном писавшимися Мастером. В 1910 году начинает выходить второй, уже чисто теоретический, орган — «Ежегодник за духовное движение». Интонации становятся более критическими и воспитательными. От прежнего само собой разумевшегося «*l'art pour l'art*» не остается и следа. Место божемного дендизма юности заступает осознание великой культурной миссии. Георге всё больше воспринимает себя как воспитателя («из всех занятий больше всего мне нравится натаскивать [*drillen*]» или «каждый человек/мужчина на три четверти щенок» — таковы провокативные девизы Георге этого периода⁷). Если Ницше лишь мечтал о «культурной сотне», способной спасти мир от упадка, то Георге готов сделать то, на что Ницше оказался неспособен: *воспитать* эту «сотню». Идеология Круга отталкивается от Ницше и... отталкивает его. Он — важнейшая, ключевая для Круга фигура и вместе с тем символ неудачи⁸. Едва не

⁷ Verwey, 1936, 63; Landmann, 1963, 120.

⁸ См. например, книгу георгеанца Бертрама, пользовавшуюся колоссальной популярностью, «Ницше: эссе об одной мифологии» (Bertram, [1918]). Вслед за Георге (см. его стихотворение «Ницше» (1900), вошедшее в цикл «Седьмое кольцо»: «... теперь нужда / заключить себя в круг, что замыкает любовь», I, 231–232) в Кругу считалось, что трагедия Ницше проистекает из его одиночества, из недостаточной педагогической воли: «эрос Ницше был недостаточно силен, чтобы увлечь друзей по крутым тропам» (Gundolf, Hildebrandt, 1923, 95). Поэтому вовсе не случайно, что Платон во 2-й половине 1900-х годов практически вытеснил Ницше из георгеанского пантеона. Об отношении Круга Георге к Ницше см.: Raschel, 1984; Weber, 1989; Trawny, 2000.

главным камнем преткновения по отношению к Ницше стал как раз Платон, и когда Платон стал занимать в начале 1910-х годов господствующее место на георгеанском Олимпе, пришла пора окончательного выяснения позиции Круга относительно Ницше. Георге писал в это время Ф. Гундольфу: XIX век был лишь огрубевшим XVIII, «и, однако, у Ницше в общем всё уже есть. Он понял существенные великие вещи: он только не понял пластического Бога (отсюда его непонимание греков, особенно Платона)»⁹.

Если первое поколение георгеанцев (более или менее сверстников «Мастера», который, кстати, не был еще монопольным держателем этого титула: так называли и Карла Вольфскеля, и Людвига Клагеса, и Вацлава Ролич-Лидера...) держалось силой поэзии и эстетики, то второе было гораздо более политизировано и идеологизировано. Две фигуры особенно сильно определили это развитие: Фридрих Вольтерс и Фридрих Гундольф.

Фридрих Вольтерс (1876–1930) был историком, учеником Курта Брайзига и Густава Шмоллера. Блестящий историк и педагог, Брайзиг одним из первых в академической среде заметил поэзию Штефана Георге¹⁰ и завязал с ним дружбу, прервавшуюся только когда Георге «переманил» к себе лучших учеников Брайзига, прежде всего Вольтерса. Община студентов и преподавателей, насчитывавшая до 200 человек, собиралась в самом начале века вокруг Брайзига в пригороде Берлина Нидершёнхаузене (а затем в Лихтерфельде). Ее называли иногда *Academia Urbana* (уже с осознанной отсылкой к Платону). Здесь читались и разыгрывались по ролям античные и современные стихи и дра-

⁹ Письмо от 11.06.1910 (George, Gundolf, 1962, 202).

¹⁰ В харизме Георге Брайзиг (перешедший, как и его многочисленные университетские коллеги, от монархизма к своеобразному социализму) увидел надежду на будущего лидера, способного превратить социальный агрегат в дружину послушников [*Gefolgschaft*] (Breysig, 1912, 97).

мы; сюда среди прочих приглашался и Штефан Георге. Община в Нидершёнхаузене стала фактически генеральной репетицией собственно его Круга. Вольтерс, один из активных участников общины, специализировался по французской и прусской истории (особенно политической и аграрной), преподавал историю в гимназиях, а затем в университетах Марбурга и Киля (где в 1923 году стал ординариусом). Он познакомился с Георге в 1904 году (ему уже было 28 лет), но в близкую орбиту вошел не сразу и не без труда (причиной, кроме «престарелого возраста», могла быть глухота Вольтерса к гомоэротическим мотивам или же свойственный ему преувеличенно гимнический тон, лишенный малейшей иронии, над чем Георге был склонен подтрунивать). Только в 1909 году статья «Господство и услужение» [*Herrschaft und Dienst*]¹¹ убедила Мастера в том, что ее автор может оказаться в высшей степени полезен для дела — дела, которое, собственно, лишь теперь и под пером Вольтерса стало принимать черты *государства* (пусть «тайного» и «духовного»). Можно без преувеличения сказать, что Вольтерс объяснил Георге его миссию в новых для Георге терминах. В период Первой мировой войны (в которой он принял восторженное участие, хотя и не на передовой: он служил курьером) в деятельности Вольтерса усугубляются националистические и шовинистические акценты («Речи о Родине», 5-томная книга для чтения «Немец» и т.д.). Еще в 1913 году он начинает готовить монументальную историю движения вокруг Георге и завершает ее незадолго до своей смерти в 1930 году. Роль георгеанского «апостола Павла», которую исполнял Вольтерс в течение последних 20 лет своей жизни, не всем соратникам была по вкусу. Несомненно, что определенную ревность ко всей «нидершёнхаузенской клике» (кроме Вольтерса, в нее входили Курт Хильдебрандт, Бертольд

¹¹ Wolters, 1909. Она вышла в георгеанском издательстве «Bondi» и в оформлении друга Георге и выдающегося книжного графика Мельхиора Лехтера.

Валентин и братья Андреэ — Фридрих и Вильгельм) испытывал другой лагерь, более или менее гейдельбергский: братья Фридрих и Эрнст Гундольф, Эрнст Морвиц и их многочисленные друзья и подопечные. Группировке Вольтерса они ставили в упрек открытую политизацию «духовного движения».

Фридрих Гундольф (урожд. Гундельфингер¹²) (1980–1931) был первым из воспитанников (не только Junge, но и Zögling) Георге. К Георге его, 18-летнего, привел в 1898 году Карл Вольфскель, родители которого дружили с семьей Гундельфингеров. Георге сразу признал поэтический дар юноши, к которому обращается в письмах «мой дорогой поэт». В это время Гундольф начинает учебу в Мюнхенском университете, затем учится в Гейдельберге и Берлине. Среди его профессоров были В. Дильтей, Т. Липпс, Г. Зиммель, Г. Вельфлин. Интенсивное общение с Георге продолжалось более 20 лет. С начала 1920-х годов происходит драматическое взаимоохлаждение: в 1920 году Гундольф против воли Мастера и к его большому неудовольствию отклоняет приглашение принять место профессора в Берлинском университете. Свою роль в охлаждении сыграла и внутрикруговая конкуренция с Вольтерсом & Co. «Отлучение» от Георге (но отнюдь не от всех членов Круга!) было вызвано и женитьбой Гундольфа в 1926 году. Во всей своей чрезвычайно плодотворной научной деятельности и до и после разрыва с Георге до самой смерти в 1931 году Гундольф воплощает георгеанскую программу (в своей трактовке, разумеется). Показательны его письма Георге в 1910 году по завершении габилитационной диссертации, которую он характеризует так:

Это живой, всеохватывающий и строго построенный компендиум Духовного движения, точно так же, как твои книги стали его Библией. (...) Я знаю, что я за два месяца

¹² Гундольф германизировал свою фамилию по совету Георге. С 1927 года он уже фигурирует под фамилией Гундольф в программе курсов Гейдельбергского университета.

ца [работы]¹³ обрел новый смысл и оказал «государству» величайшую услугу, которую ему только можно оказать. [И месяц спустя:] Если мне суждены еще десять лет здоровья, то я стану тем человеком, который сделает твои заветнейшие мысли и переживания общим достоянием *немецкого общего образования* в лучшем смысле слова, т.е. немецкой молодежи¹⁴.

Причины конкурентного напряжения в отношениях с группой Вольтерса были смешанные: кроме идеологических и политических разногласий имелись и личные. И Гундольф, и Морвиц, и Роберт Бёрингер были личными друзьями Мастера (в частности, систематически обращались к нему в письмах на *Tu* [Du]) и сообразно с этим настаивали на ценности дружбы и эроса, тогда как Вольтерс со товарищи стремились превратить Георге в предмет культа (сначала своего, затем по возможности общенационального) и подчеркивали поэтому дистанцию, без которой невозможно никакое поклонение. Морвиц одно время не мог уже слышать слово 'Круг' (что было для вольтерсианцев полным кощунством)¹⁵. Бёрингер чуть не дошел до рукоприкладства, протестуя против вольтерсовского «политического» поворота¹⁶.

Конкуренция с Вольтерсом стала особо очевидна, когда в одном и том же восьмом выпуске «Листков за искусство» за 1908–1909 год вышли статьи со сходными, если не сказать параллельными, названиями: «Господство и услужение» Вольтерса¹⁷ и «Следование и послушничество» [Gefolgschaft und Jüngertum] Гундольфа. В этих статьях больше сходства, чем различий;

¹³ Здесь и далее в цитатах в квадратных скобках приведены мои пояснения (в тех случаях, если это не слова из оригинала).

¹⁴ Письма от 12.10 и 10.10.1910 (George, Gundolf, 1962, 206f., 211).

¹⁵ Hildebrandt, 1965, 92.

¹⁶ Ibid., 76.

¹⁷ Здесь были опубликованы только несколько первых разделов статьи.

тем важнее эти последние. Для Вольтерса главное — власть и добровольное, восторженное ей подчинение; для Гундольфа важна любовь к Мастеру — и не за его власть, а за то, что он ведет к новому познанию. Если Гундольфу Мастер предстает посредником между учеником и Идеей, то для Вольтерса Мастер воплощает Идею. Вольтерс со всей риторической мощью настаивал на действии, деянии, на деятельном характере и правителя, и учеников (более чем просто единомышленников — соратников!), тогда как у Гундольфа Мастер остается хранителем ценностей и воспитателем учеников. Наконец, если воспитание увенчивается для Гундольфа расцветом личности, венцом служения у Вольтерса выступает самопожертвование [Selbsthingabe]¹⁸. Несомненно, таким образом, что Вольтерс однозначнее и определеннее вписывал образ Мастера в общий для «консервативной революции» культ вождя.

Так или иначе во втором поколении идея «государства» вызвала ощутимое сопротивление и стала структурирующим принципом лишь в следующем, третьем поколении (Макс Коммерель, братья фон Штауффенберги, Йохан и Вальтер Антон, Вальтер Эльце, Рудольф Фанер, большинство из которых были «завербованы» в Круг Вольтерсом). «Государство», которое в разное время называлось еще «духовная империя»¹⁹, «тайная Германия», «маленький отряд» (или сонм, куча, толпа) [kleine Schar], должно было сложиться вокруг некоего

¹⁸ Сам Вольтерс являл собой несомненный пример такой жертвенности. В письме Мастеру в 1914 году он высказывает свою самую заветную мечту — «быть мастерком и цементом Вашей земной империи»; цит. по: Groppe, 1997, 246.

¹⁹ Немецкое слово 'Reich' покрывает и включает значение «царства» (например, Gottes Reich — 'царство божье' или несколько противоречивое употребление König des geistigen Reichs — букв. 'король духовной империи', применявшееся как к Платону, так и к Георге). Но в 1920-е годы в Кругу будет предпринято особое, аффектированно имперское употребление этого термина.

неконфессионального культа, в основе которого лежала убежденность в неоспоримом приоритете поэзии над любой человеческой деятельностью, поэзии, понятой и в узком смысле стихосложения, и в широком — как творчество, воплощение, то есть обращение идеального и предвечного в плоть. Пантеон святых в этой светской религии включал прежде всего поэтов и философов — Платона, Данте, Шекспира, Гёте, Ницше, Гёльдерлина, самого Георге, и великих политических творцов — Цезаря, Фридриха II Гогенштауфена, Наполеона. Подобно гётевскому Вильгельму Майстеру, георгеанцы полагали, что следовало поклоняться, «служить» этим вождям и иконам духовного царства просто в силу императива «почитать — а не пытаться понять — то, что выше тебя». Насколько этот культ духовных и политических вождей предвосхищал (или даже «приближал») грядущий национал-социализм, является одной из самых спорных и сложных проблем георгеанских исследований. Очевидно только, что «политика аполитического»²⁰, проводимая Штефаном Георге, требовала от него сопротивляться однозначной его апроприации молодым режимом (так, уже в 1933 году он отклонил «лестное» предложение министерства культов войти в Поэтическую академию), но не запрещала ему иметь в ближайшем ядре Круга откровенных нацистов, пусть и «высокодуховных», и брезгующих плебейскими манерами новых вождей.

Историю коллективного творческого и интеллектуального усилия вокруг Штефана Георге невозможно оторвать от авто-историографии: архивизация, документализация происходящего рано стали в Кругу одержимостью. Зафиксированная по свежим следам в дневниках и письмах, история Круга еще при жизни Мастера стала предметом монументальной монографии, написанной одним из главных идеологов Круга Фридрихом Вольтерсом под прямым контролем Георг-

²⁰ См.: Landfried, 1975.

ге. Ее название («Штефан Георге и “Листки за искусство”») сопровождалось подзаголовком: «Немецкая духовная история после 1890 года», несуразный нарциссизм которого дает представление о немалых амбициях Круга и его вождя. Самоархивизация никак не отменяла, а напротив, дополняла культ тайны и понимания с полуслова. Насколько было возможно, Георге избегал и строгой идентификации своей ассоциации. Ее члены предпочитали апофатическое самоопределение: мы не клуб, не салон, не церковь, не секта, не ложа, не кафедра... За этим избеганием, кроме боязни слишком определенной (и поэтому слишком «рассекречивающей») самоидентификации, стояла и трудность самоосознания группы, точных аналогов которой не было ни в Германии, ни, вероятно, нигде в Европе.

Вопрос об уникальности (или, наоборот, типичности) Круга Георге стал принципиальным водоразделом в изучении Круга. Начиная с только что упомянутой автоагиографии, о Георге и его окружении могли писать — разумеется, преимущественно в лестно-верноподданических тонах — только члены Круга, затем их дети, ученики и ученики учеников. Имелось в виду, что только те, кто был приобщен к святая святых, могли претендовать на какое-то адекватное понимание георгеанского духа и буквы. Ситуация стала меняться в 1960-е годы с приходом левой, в том числе марксистской, критики, которая порвала с обязательной «историей изнутри» и считала как раз несвязанность с Кругом условием нелицеприятного объективного анализа.

С эволюцией социального и идейного климата Германии и Европы вообще, но и с физическим умиранием свидетелей «феномена Георге» (а затем и их наследников и преемников) эта тенденция укрепилась. Вряд ли можно считать удивительным, что современные исследователи продолжают спорить с агиографическим самописанием Круга, отложившимся в сотнях и тысячах опубликованных и неопубликованных

свидетельств и продолжающим — несмотря на свою очевидную ненадежность — оставаться важным источником о жизни Круга. Ярким примером такого спора может служить объемное и весьма богатое исследование Райнера Колька «Формирование литературных групп». Подзаголовок книги указывает на сверхзадачу автора: «На примере Круга Георге, 1890–1945 гг.»²¹ Заявляется здесь социологический анализ не Круга Георге, а любых литературных объединений *на примере* Круга Георге. Разумеется, сдержать своего обещания автор не может. Книга целиком посвящена только Кругу Георге, и невзирая на заведомую отстраненность исследователя, усердно подчеркиваемую им в натужном использовании тяжеловесного социологического словаря, *демонстративно* враждебного выпяченной возвышенности георгеанцев, главным результатом исследования оказывается, что разбираемый им *пример* ничего не доказывает применительно к прочим литературным образованиям, поскольку на них абсолютно не похож. Методологически сходную позицию заявляет в своей недавней статье уже на непосредственно интересующую нас здесь тему Штефан Ребених. То же неудовлетворение «идеографией» угадывается в поставленной им перед собой задачей «на примере восприятия Платона исследовать влияние, оказанное Кругом Георге на науку»²². Мы еще сможем убедиться, однако, что Платон стоит в идеологии Круга особняком и составляет принципиально особый случай, в силу чего с трудом может служить примером для других «восприятий».

Отношение георгеанцев к науке и их отношения с наукой, впрочем, действительно дают ключ к пониманию характера Круга.

²¹ Kolk, 1998.

²² «am Beispiel des Platonbildes soll indes exemplarisch der Einfluss des George-Kreises auf die Wissenschaft untersucht werden» (Rebenich, 2008–2009, 115). В оригинале, как видим, мотив 'примера' вводится дважды: Beispiel, exemplarisch.

3. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ГЕОРГЕАНСКОЙ SCIENZA NUOVA

Еще недавно в исследовательской литературе о Круге Георге (как позитивно в агиографической, так и негативно в критической) излишне однозначно утверждалась враждебность Георге к науке. Чрезмерный акцент ставился на часто цитируемое — но не очень достоверное — георгеанское изречение: «Нет пути, который бы вел от меня к науке». В этой фразе — даже если она действительно была сказана²³ — нельзя исключить кокетство недоучки: Георге, который бросил, едва начав, учебу в Венском университете, не мог не находить некоего лукавого удовольствия в том, что подает университетским ученым темы для книг, рукописи которых затем выносятся на его же суд (главы или отрывки, заслужившие особо высокого одобрения Мастера, могли торжественно зачитываться — наряду с поэзией — во время праздников и застолий в дружеском кругу). Самый знаменитый пример здесь — Эрнст Канторович с его книгой 1927 года об императоре Фридрихе II²⁴.

Пока литература о Георге и его окружении сохраняла апологетико-агиографический характер (то есть по самые 70-е годы) и излишне доверчиво основывалась на мемуарах и дневниках, Круг представлялся художественной ассоциацией с культом поэзии, немногие члены которой зарабатывали на жизнь в университете. В определенной мере эта (само)оценка основывалась на (и может считаться в некоторой степени справедливой для) *ранней* модели, связанной с «Листками

²³ Этот «афоризм» упоминается только Э. Залином (Salin, [1948], 2.Aufl. 1954, 49, 249) — и его достоверность многими ставится под сомнение. Куда правдоподобнее проходящая красной нитью через всё педагогическое общение Георге его забота (о ней также сообщает Залин), чтобы музыкальное в его ученых послушниках не было раздавлено научным: «Каждому из вас угрожает опасность, что профессор задушит поэта» (Salin, [1948], 2.Aufl. 1954, 40).

²⁴ Kantorowicz, 1927.

для искусства», то есть с периодом, предшествующим собственно кристаллизации Круга. Такая перспектива задавала и видение, согласно которому Круг Георге изображался полной антитезой и радикальной альтернативой университетскому знанию. Но постепенно для исследователей стало очевидностью²⁵: большинство георгеанцев были связаны с университетом, а многие из них занимали в нем ключевые позиции; влияние Георге не желало останавливаться и не останавливалось на пороге университета; Георге активно побуждал своих учеников к научной карьере (в отличие, например, от карьеры журналиста или вообще *free-lance*²⁶); многие дисциплины в косвенной или видоизмененной форме испытывают это воздействие и до сих пор. К настоящему времени складывается совершенно иное представление о Круге, чем полвека тому назад: теперь Круг Георге открывается нам как ассоциация преимущественно университетских ученых (*а также* литераторов и художников) с ярко выраженным вкусом к поэзии и с высокой оценкой ее миссии, обладающих определенной (хотя и неоднородной) культурно-политической программой. Круг Георге состоял по сути из многих кругов и объединял в разное время и в разных модальностях не столько поэтов и скульпторов, сколько трудно обозримое число профессоров и доцентов, из которых можно назвать в первую очередь литературоведов Норберта фон Хеллинграта (издатель Гёльдерлина), Фридриха Гундольфа, Эрнста Бертрама, Макса Коммереля, культурфилософа Людвига Клагеса, медиевистов Эрнста Канторовича и Вольфрама фон ден Штайнена, философа Эдит Ландман, политэкономов Эдгара Залина, Курта Зингера, Юлиуса Ландмана,

²⁵ Для многих поздних георгеанцев это никогда не было секретом: ср. статью Михаэля Ландмана, георгеанца и сына георгеанцев, в которой уже давно была дана гораздо более нюансированная и в целом более позитивная картина научной политики Мастера и Круга (Landmann M., 1959–1960).

²⁶ Groppe, 1997, 45–49.

социолога Эриха фон Калера, историков Фридриха Вольтерса и Вальтера Эльце, искусствоведа Вильгельма Штайна (об античниках речь пойдет ниже). С Кругом прямо или косвенно соприкасались Макс Вебер, Эрнст Роберт Курциус, Мартин Хайдеггер, Ханс-Георг Гадамер, Георг Зиммель, Эрих Ауэрбах, Вальтер Беньямин, Теодор Адорно и многие другие. Конечно, все эти персонажи разнятся друг от друга в своем отношении к Георге и к его представлению о науке; необходимо учитывать, что и их собственные позиции внутри университетской институции, и их представления о роли и методах науки были весьма различны.

Если с некоторыми учеными старшего поколения Георге состоял в интенсивном общении, когда они уже занимали профессорские посты (М. Вебер, Г. Зиммель, В. Дильтей, К. Брайзиг, базельский античник К. Жозель), то более молодые отчасти попали на кафедры с ведома и при побуждении Георге. Близкий к Кругу Х.-Г. Гадамер сравнивает Круг с и поныне существующим католическим научным обществом имени Гёрреса (Görres-Gesellschaft): здесь думают и решают, «где нужный нам человек станет ординариусом, где именно такому-то габилитироваться и т.д. Это была осознанная стратегия в смысле непрямого общественного проникновения»²⁷.

Во многих характеристиках на молодых кандидатов на профессорские места указывалось, что они «работают в творческой близости к поэту Штефану Георге», и такие указания далеко не всегда оказывали на комиссии, деканаты и ректораты только негативное впечатление. Prestиж Георге и как поэта, и как культурного деятеля был весьма высок. Он находил поддержку и непосредственно в органах надзора за университетами — министерствах образования, попечительских советах. Такие деятели, как Курт Рицлер во Франкфуртском университете или Карл Генрих Беккер в Бер-

²⁷ Гадамер в прениях по докладу Вайганда (Weigand, 1971, 97).

линском, определявшие научную политику и в первую очередь рекрутирование преподавателей, сознательно поощряли продвижение георгеанцев.

Сам Георге был высокообразованным человеком, хотя, разумеется, атипичным на фоне «культурной буржуазии» (*Bildungsbürgertum*) своего времени. Конечно, его личная компетенция была весьма различной в зависимости от дисциплины. В истории, археологии, истории искусств, германистике, англистике, романистике он обладал интуицией и познаниями, поражавшими его академических собеседников. Его любознательность распространялась в некоторой степени и на экономику и право, не говоря уже о педагогике, где он был и теоретиком, и практиком.

Миф о враждебности георгеанцев университету вместе с тем не просто ложен или абсурден. Он возник — в том числе при несомненном соучастии самого Георге — как выражение его недовольства университетской наукой, как заявка на программу ее преобразования (ее стали называть в Кругу *scienza nuova*, хотя сходство с Дж. Вико здесь возможно лишь самое поверхностное). Позитивистская фабрика по производству знания, которой так гордился XIX век, была для Георге признаком упадка в одном ряду с рационализмом, релятивизмом и демократией. Он призывал вернуться к *монументальной истории* — как ее (не без критической иронии, но к иронии георгеанцы были не особо восприимчивы) охарактеризовал Ницше в своем знаменитом «Несвоевременном размышлении» «О пользе и вреде истории для жизни». Свойственная монументальной истории почтительная установка (в отличие от исследовательской) предполагает не постоянное накопление сведений, критику источников, рефлексию над методом, пересмотр устоявшихся мнений и всего того, что называется «производством знания», но стремление к адекватному (в идеале: конгениальному), единоразовому и окончательному (вос)произведению личности или шедевра. Историче-

ский континуум разлагается георгеанцами не на эпохи или течения, — хотя можно поклоняться и эпохе — античности, — а на великие сингулярности: великие фигуры (или же шедевры), способные стать образцом. Если верить всё тому же Э. Залину, Георге ценил и хвалил книгу Ф. Гундольфа «Шекспир и немецкий дух» именно за то, что она *не* может стать очередным этапом в кумулятивной науке: эта книга представляет собой «нечто уникальное [etwas Einmaliges] и на ней невозможно построить никакой новой науки»²⁸.

Поклоняться означало знать, подражать, а если и изучать, то никак не в смысле биографико-психологическом. Наоборот, следовало строить в душе незыблемый и величественный образ Героя — его *гештальт*. Этот кантовско-гётеанский термин сделал в первые десятилетия XX века невероятную карьеру (у Музиля, Т. Манна, Гофмансталя, Кассирера, Хайдеггера, Юнгера...), и не в последнюю очередь благодаря его концептуализации в Кругу Георге. Не столько «теоретические» работы Вольтерса²⁹ и Гундольфа³⁰, сколько «духовные книги», Geist-Bücher, которые иногда в Кругу называли Gestalt-Bücher (первой из них была книга о Платоне, о ней еще пойдет речь), реализовали своеобразную георгеанскую гештальтовую парадигму. Гештальт был призван зафиксировать единство вечного и временного, неподвижного и преходящего, формы и материи. Гештальт воплощал то, что могло и должно было вызывать желание следовать высокому образцу. Эволюцию же человека, его колебания, его слабости как индивида следовало оставить «гробокопателям царских могил» (по излюбленному в Кругу выражению близко-го к георгеанцам историка античной философии Карла Райнхардта)³¹.

²⁸ Salin, [1948], 2. Aufl. 1954, 48.

²⁹ Wolters, 1909, 44–46 и особенно Wolters, 1911.

³⁰ Gundolf, 1911; см. также: Ratti, 2010.

³¹ Reinhardt, [1927], 1960, 220.

Поэтому поэт Готтфрид Бенн в своей (так и не произнесенной) речи памяти Георге написал, что ему «вторжение Георге в немецкую науку представляется одним из самых загадочных феноменов европейской истории»³². Георгеанец и сын георгеанцев (Эдит и Юлиуса) философ Михаэль Ландман писал (гораздо позже) о Георге: «Несомненно шаманизм был ему ближе, чем наука; но где и когда существовал другой такой поэт, чьи поклонники, питаясь его духом, создали бы что-то вроде собственного научного стиля? В этом остается что-то сугубо георгеанское, уже неотмыслимое от его сущности»³³.

Вопрос о науке не раз обсуждался во внутригеоргеанских дебатах. Так, в первом томе «Ежегодника за духовное движение» в 1910 году была опубликована программная статья Вольтерса «Директивы», которая отодвигала науку на второй план после поэзии и творчества вообще (как упорядочивающую силу *versus* созидательной). Этот одобренный Георге манифест вызвал негодование учителя Вольтерса К. Брайзига, который лично (встреча произошла 29.09.1910³⁴) и в письмах высказал Штефану Георге свою досаду и в том же 1910 году написал открытое письмо своему ученику — статью «Творческая сила науки»³⁵. Из критики науки XIX века никак не должна следовать, по его мнению, критика науки вообще.

Другая, куда более масштабная, полемика вспыхивает через неполных десять лет. В 1919 году выходит брошюра со знаменитым текстом Макса Вебера «Наука как призвание»³⁶. Сегодня его читают изолированно, а он должен быть помещен в контекст веберовского спора с друзьями-георгеанцами, и в частности,

³² Benn, [1934], 1989, 104–105.

³³ Landmann M., 1959–1960, 68.

³⁴ См.: Breysig, 1960, 18–20; см. также: Landmann M., 1959–1960.

³⁵ Опубликована она была посмертно. См.: Breysig, [1910], 1944.

³⁶ Weber, 1919. Доклад был прочитан уже в 1917 году.

с программной статьей Ф. Гундольфа в «Ежегоднике за духовное движение» 1911 года. Здесь Гундольф выступает против «безумия, охватившего наши научные учреждения, считающие знание конечной целью»³⁷, ратует за целостную и воспитывающую (против дробящей и всерелятивизирующей) науку, за «сущность» против «отношений» (как это сформулировано уже в названии статьи), за великое и вечное против прогресса, за величие человека против «американизации и муравьезации Земли», за знание, открыто провозглашающее смыслы и ценности. Наука есть лишь часть воспитательного комплекса (наряду и *после* поэзии) и должна способствовать выработке мировоззрения через «переживание» [Erlebnis]. В своем докладе Макс Вебер, как известно, выступил, напротив, за свободу знания от ценностей, за «смысловую аскезу», за воспитательную силу самой науки *как таковой* (а не как инструмента или проводника мировоззрения). Проповедникам и пророкам не место на кафедре. Против *scienza puova* георгеанцев Вебер выдвигает «старую науку», прежде всего науку о культуре, которая исследует феномены в их социальной взаимосвязи и не претендует на решение об их ценности.

Круг отреагировал (по крайней мере, так это было воспринято читающей публикой) на веберовский манифест книгой «Призвание науки» историка и эссеиста Эриха фон Калера. По прямому заказу Ф. Гундольфа, своего близкого друга, Калер пишет небольшую книгу, предвосхищенную опубликованными в том же году, что и брошюра Вебера, двумя статьями «Кризис в науке» и «Человеческое воздействие науки»³⁸. Фон Калер ставит в центр человека и его воспитание и проводит резкую грань между «старой» и «новой» наукой: «старая» искала знания ради знаний, тогда как «новая» стремится служить «жизни» (этот мотив проводится

³⁷ Gundolf, 1911, 16.

³⁸ von Kahler, 1919a, 1919b.

в книге особенно навязчиво). Платон присутствует в тексте неотлучно — как защитник идеала обращенного к жизни и на жизнь знания, как целиком политический мыслитель. Гундольф бурно приветствовал книгу фон Калера и видел в ней свой личный реванш против Вебера. Книгу фон Калера Гундольф опубликовал без ведома Георге в георгеанском издательстве «Bondi», и несмотря на (только посвященными замеченное) отсутствие «свастики» — сигнета «Листков за искусство» (иначе говоря, самого Георге), — была встречена читателями как выражение мнения Круга Георге и его вождя³⁹. Несомненно, не только *обстоятельства* выхода книги, но и ее *содержание* вызвало неудовольствие Мастера: Георге был в отношении к науке, вероятно, более умеренным, чем некоторые его послушники, а к М. Веберу всегда питал глубокое уважение. Наряду с женитьбой Гундольфа и его отказом от ординариата в Берлинском университете выход книги фон Калера стал одной из важнейших причин, приведших к разрыву Георге с Гундольфом.

Внутрикруговые дебаты о науке, однако, тем не кончились. Год спустя другой георгеанец, так же как и фон Калер не принадлежавший к ядру Круга, но поддерживавший близкие личные контакты и с Георге, и с Гундольфом, и с братьями Веберами, политэконом Артур Зальц⁴⁰ выступил с книгой «За науку. Против образованных среди ее презирающих»⁴¹. В ней он не просто защищает Вебера, но и ратует за такую науку, в которой идеалы Вебера и Георге смогли бы прийти к примирению. Зальц нисколько не отвергал «узрение» [Schau] георгеанцев. Он считал его необходимым и

³⁹ В этом, например, нисколько не сомневается Э. Трельч (Troeltsch, [1921], 1925).

⁴⁰ Он был женат на сестре медиевиста и георгеанца Эрнста Канторовича.

⁴¹ Salz, 1921. Название перефразирует название известного текста Шлейермахера «О религии. Речи к образованным среди ее презирающих».

доступным далеко не только «избранным», но находил столь же необходимым подкреплять его кропотливой эмпирической научной работой. К ней, однако, «новая наука», воспеваемая его другом Калером, не имеет никакого отношения; это скорее некая новая эзотерическая вера. Она задумана исходя из личных потребностей в спасении или благодати, из стремления к некоему «общему делу», к сообществу, а точнее, к секте, которая назначает себе пророков и апостолов, устанавливает иерархию и т.д. Причем здесь наука? Зальц осуждает «новую науку» за то, что та стремится стать не наукой об иррациональном, а наукой с иррациональными средствами⁴². Однако Зальц исходит из аналогичного калеровскому диагноза ситуации в науке и предлагает сходную модель, разве что более умеренную и менее резкую по отношению к «старой науке». В книге фон Калера (своего друга, по крайней мере, до этих пор) Зальц видит несколько запоздалую, или отставшую реакцию, отвечавшую атмосфере начала 1910-х годов и памфлетному настрою «Ежегодника за духовное движение» скорее, чем бурной научной деятельности Круга в начале 1920-х.

Георге, не одобрявший «георгеанский» памфлет фон Калера, вовсе не порвал с Зальцем, написавшим, казалось бы, «антигеоргеанскую» отповедь. Их отношения, напротив, кажется, нисколько не изменились. Случайные обстоятельства оказались здесь более важными, тогда как по сути обе позиции (как на то и указывал Зальц) не обязательно противоречат друг другу. Действительно, и Вебер не отказывал науке в воспитательной миссии, и Георге, особенно в эти годы, поворачивается лицом к науке и ведет активную научную политику.

В своей пространной рецензии на книги фон Калера и Зальца, посвященной георгеанской «революции в

⁴² Salz, 1921, 28. Совершенно неслучайно, что тезис о подчинении науки требованиям и запросам жизни был через некоторое время охотно подхвачен нацистскими идеологами (например, Эрнстом Криком); см.: Lauer, 1995, 252.

науке», известный теолог и историк религии и культуры Эрнст Трёльч рассказывает, что, когда он сам (к сожалению, не указывает, когда именно это произошло) предложил тему конкурсного сочинения [Preisarbeit] «Теории науки Круга Георге», то получил такой ответ: «Такой чепухой [Mist] мы не занимаемся»⁴³. Самому рецензенту ясно, что речь здесь идет отнюдь не о чепухе, а вполне симптоматичном, многоплановом и заслуживающем внимания явлении.

С тех пор оно стало предметом систематического изучения. После первых исследований⁴⁴ и обобщающих монографий К. Гроппе и Р. Колька практически ежегодно стали появляться работы, касающиеся научной политики Круга и ее влияния на ту или иную область знания⁴⁵.

4. «ЭЛЛАДА ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ»

Особняком в *scienza nuova* георгеанцев стоит античность. В этом они, конечно, не уникальны. Так называемая *классическая древность*, то есть история греческой и римской культуры нескольких веков на рубеже христианской эры, всегда была для Европы чем-то большим, чем просто период ее истории, объект исторического интереса. От отцов церкви, почитающих Сократа, Платона, Аристотеля как христиан *avant la lettre*, через бесчисленные поколения политиков, рядящихся в туники и тоги своих тотемических предшественников, и художников, проверяющих свой дар на высоком античном каноне, до современного абитуриента, выбирающего классическую филологию или древнюю историю (оставшуюся несмотря ни на какие

⁴³ Troeltsch, [1921], 1925, 676. Вскоре, однако, георгеанское понимание науки стало возможной диссертационной темой; см.: Frenzel, 1932.

⁴⁴ Jolles, 1967.

⁴⁵ См. прежде всего: Schlieben et al., Hrsg., 2004; Böschstein et al., Hrsg., 2005; Schönhärl, 2009a.

исторические перипетии греко-римо-центричной), невзирая на вящую «непрактичность» этой стези и давление критериев «успешности» — все они вкладывают в античность идеалы миро- и житнетворчества, которые их вдохновляют — кого на созидание шедевров, кого на «обновление нации».

Увлечение античностью в Германии на рубеже веков приняло особый размах⁴⁶. Мыслители и художники самых разных направлений были вовлечены в логику «слияния горизонтов» — античного (греческого или римского) с современным немецким. В этом, собственно, и состоял смысл «третьего гуманизма», широкого движения по возрождению античного духа на немецкой почве. Историко-культурная самоидентификация с германскими племенами, ворвавшимися некогда в Римскую империю, позволяла стилизовать свою культурную приверженность античному миру на манер самих римлян, за несколько веков до этого вторжения захвативших Грецию. Конечно, расовый вопрос вносил некоторые сложности. Как можно было объяснить, что мы, германцы, и есть греки современности, причем греки самые подлинные и единственные? Вот как это делает Вернер Йегер, лидер «третьего гуманизма»:

В культурном отношении германские завоеватели не могли оказать колоссальному, одновременно разлагающему и созидательному влиянию античного мира, в который они вторглись, никакого сопротивления. [...] Лишь века спустя немецкий дух обрел себя. [...] Более древние, вещественно ассимилированные элементы античности постепенно опускались в бессознательное, становясь фундаментом нашей материальной культуры. Но в ярком свете осознанного творения, к которому себя теперь побуждала немецкая раса, античность во второй раз, но уже в гораздо в более высоком и духовном смысле, стала руководительницей и побудительницей становящейся народной культуры. Отношение к античности было уже не просто вещественной рецепцией, но продуктивным освоением⁴⁷.

⁴⁶ См., например: Sünderhauf, 2004.

⁴⁷ Jaeger, 1919, 20–21.

По какому счету гуманизм оказался *третьим* — по этому поводу единодушия не было. Одни считали первым гуманизм греков (или афинян), а вторым — немецкую классику Винкельмана, Канта, Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера, Гумбольдта... Другие первым называли гуманизм немецких классиков, вторым — «плохой» историцистский гуманизм второй половины XIX века, который нашел в античности эпоху пусть и блестящую, но исторически обусловленную, уникальную, а потому неповторимую и, следовательно, неспособную быть идеалом для современности. По другим расчетам первым был итальянский гуманизм Возрождения, за которым последовала немецкая классика. Из-за этой возможной путаницы «третий» гуманизм часто уклончиво назывался «новым» [Neuhumanismus]. Хотя обычно — и справедливо — развитие идей «третьего гуманизма» связывают с именами Йегера⁴⁸ и Штенцеля, но и Круг Георге вовсе не остался от него в стороне. Вольфганг Фроммель, активный почитатель Георге (не допущенный этим последним в святая святых Круга, но много сделавший для сохранения и преумножения георгеанского наследия⁴⁹), опубликовал в 1932 году книгу под названием «Третий гуманизм»⁵⁰, в которой, как и Йегер, подчеркивал особое место Платона в нынешнем возрождении духа античности.

Уже в 1931 году Оскар Бенда (инспектор школ в Вене, а впоследствии литературовед) подверг «третий гуманизм» тонкому анализу в своем проницательно-пророческом памфлете «Формирование третьего рейха: заметки на полях общественно-исторического смыслового сдвига немецкого гуманизма». Он видит в нем «позднекапиталистическую форму проявления гуманистической идеи образования, представляю-

⁴⁸ См. его программную речь 1924 года «Греческая государственная этика в эпоху Платона» (Jaeger, [1924], 1934).

⁴⁹ Его деятельность до сих пор продолжает амстердамское издательство «Castrum Peregrini».

⁵⁰ Frommel, [1932], 1935.

шую, как мы опасаемся, не сверкающую жизнью зарю, но меланхолично гаснущие сумерки»⁵¹. Он считает, что понятие «нового гуманизма» амальгамирует совершенно различные содержания: возрожденческую секуляризацию образования, его освобождение от среднековых авторитарных оков и *Bildung* гегелевского чекана, предполагающую, напротив, включение образования в авторитарное понятие государства, порядка, связи⁵². Наконец, Бенда считает, что подобно тому, как «второй гуманизм» нужно искать не у популяризаторов-упорядочивателей, а у самих Шиллера, Гёте и Гумбольдта, так и наиболее чистое выражение «третьего гуманизма» следует черпать не у гимназических идеологов типа Йегера, Френкеля или Регенбогена, а в Кругу Георге⁵³. Именно здесь была поставлена национальная задача, говоря словами Вольтера, «осуществления немецкости в священном браке с духом Эллады»⁵⁴.

Действительно, Круг Георге поднял свойственный его эпохе культ античности на новую ступень. Таким (написанным лично Штефаном Георге) манифестом открывался номер «Листков» за 1910 год:

Эллинское чудо

Если наши ведущие гении · такие как Гете · падают ниц перед эллинским чудом · и греческое искусство · особенно скульптуры · считают высочайшей целью · то за этим должно скрываться нечто большее, чем то объяснение будто южная ясность и приятность формы так захватили их, что из-за них они даже перестали ценить силы и достижения собственного народа. Скорее они постигли что здесь заключено нечто несравненное · уникальное для всего человечества · на подражание чему должно быть мобилизовано всё и что все упования столь любимого

⁵¹ Benda, [1931], 1945, 14.

⁵² Ibid., 16.

⁵³ Ibid., 19–20.

⁵⁴ Ibid., 36.

прогресса должны быть прежде всего направлены на это. По сравнению с греками все люди собственного народа при всей его огромной одаренности должны выглядеть почти как шаржи. Конечно, эти ведущие гении требовали не внешнего следования что привело к порочному классицизму · но оплодотворения · проникновения · Святого Бракосочетания. Все объяснения, почему они поднимали греков на такую высоту · все исследования того какие внутренние свойства и внешние обстоятельства дали именно этим островитянам приоритет над всеми другими народами · недостаточны. За всеми объяснениями исторического · эстетического и личного характера лежит вера что из всех проявлений известных нам тысячелетий Греческая Мысль «Плоть · этот символ быстротечности · плоть есть бог» есть безусловно самая творческая и самая достойная человека · которой по возвышенному характеру уступает любая другая · даже христианская⁵⁵.

Античность представляла здесь вечной праформой [urseinsform]⁵⁶. Сам Георге от своего обязательного гимназического набора античности (где немножко фигурировал и Платон) двинулся на восток и в эллинизм. Его «Алгabal» следует либертенской моде эпохи, восхищаясь и ужасаясь Элагабалом (или Гелиогабалом), эфемерным декадентским римским императором III века, возродившим человеческие жертвоприношения. На рубеже веков Георге активно посещает кружок «мюнхенских космистов», в котором вечный студент Альфред Шулер культивировал темную, нутряную и страшную античность, противопоставляя ее подсознательный «подвал» лубочным изображениям à la Винкельман.

Многие члены Круга (в частности, Эдит Ландман, Залин, Зингер) отмечали незаурядные антиковедче-

⁵⁵ George, 1910, 2. Текст подписан «Blätter für die Kunst». Шульц считает автором Георге (Schultz, 1965, 237). В переводе по возможности сохранены введенные Георге пунктуационные нормы.

⁵⁶ Так говорится в другом программном тексте под названием «Мертвая и живая современность» в том же номере «Blätter» (3).

ские познания Георге, подкрепленные восхищением перед античностью⁵⁷. Однако в этой сфере особенно трудно отделить реальность от агиографического усилия. К тому же необходимо учитывать склонность Мастера к блефу. Это лучше известно на примере его экономической компетенции. Он утверждал, в разговоре с Куртом Зингером, в 1918 году, «полу в шутку, полу всерьез», что «понимает в хозяйственных делах больше политэкономов»⁵⁸. И Зингер, и Залин упоминают подробные расспросы, которые учинял им Георге по поводу тех или иных экономических проблем. Экономические соображения присутствовали в его частых высказываниях в антикапиталистическом, антимонополистическом или антиамериканском духе (что, конечно, относится к общим местам «консервативной революции»), но важны не они и не конкретные познания о древности, а та перспектива, которую Георге смог задать для многих современников. Целый ряд университетских или связанных с университетом античников входили в Круг, и в их академических трудах повсеместна георгеанская риторика. Здесь можно назвать историка греческой скульптуры Вольдемара фон Уксуля; разностороннего историка античности Альбрехта фон Блюментала, чья книга «Греческие образцы» была образцом возможного синтеза университетского духа с георгеанским (она встретила как отрицательные, так и вполне положительные рецензии в университетской среде); брата участников на покушение на Гитлера в июле 1944 года Бертольда и Клауса — Александра Шенка фон Штауффенберга — автора весьма разнообразных по тематике работ о политической и культурной истории Греции; эллиниста и по-

⁵⁷ Эдит Ландман записывает в своем дневнике следующее высказывание Георге: «Никакие доказательства бытия Божия меня не убеждают, я им всем не верю. Но есть нечто, что делает его присутствие для меня явным: существование греков» (Landmann E., 1963, 46).

⁵⁸ Singer, 1956–1957, 304.

литика Курта Рицлера; классического археолога Карла Шефолда, искусствоведа Гертруду Канторович...

В большинстве своем антикофилы того времени (например, Гофмансталь) стремились не позволить античности умереть, смолкнуть, хотели вжиться в нее, придать ей новый, современный, голос. Георге же в отличие от них не собирался покидать современность. Он «исходил из Здесь и Теперь, называлось ли оно *красивая жизнь* или *Бог* или “*мой час*”, миг, кайрос, Новая Империя или Основание. С этой точки опоры взгляд отправляется в прошлое и выбирает там то, в чем нуждается настоящее или что ему соразмерно»⁵⁹.

И *красивая жизнь*⁶⁰, и миг (в котором легко угадывается мгновенное и внезапное — *exaiphnês* — озарение, увенчивающее долгий диалектический путь в «Пире» и «VII письме»⁶¹), и кайрос, и основание Академии как новой духовной империи — все это явно платонические мотивы. Начиная с определенного момента, примерно с середины 10-х годов, под своего рода «самоиндуцированным» влиянием книги Г. Фридемана (к которой мы скоро обратимся) Георге стал осознавать себя и свою миссию в платоновских категориях. В агиографическом сочинении о Георге 1920 года Гундольф прослеживает кровно-духовную родословную Мастера. Не сразу Георге постиг и принял свое родство с Платоном. Лишь в последние годы Платон стал для него фокальной точкой всей античности и вместе с тем ферментом действия. Ибо поклонение Платону должно быть действенным: не бывает дважды одного и того же решения, и бесполезно пытаться повторить бывшее спасение⁶². Сперва Георге черпал из *пластических* античных праэлементов (Дельфы, фризы Парфенона...).

⁵⁹ Schultz, 1965, 230.

⁶⁰ Имеется в виду «schönes Leben» из стихотворении Георге «Посещение» [Der Besuch] 1896 г. и вместе с тем *ho kalos bios* из «Апологии Сократа» (37d) или *ho kallistos ka aristos bios* из «Законов» (817b), как и в целом античная калокагатия.

⁶¹ Пир (210e), VII письмо (341bc).

⁶² Gundolf, 1920, 2.

Лишь оттуда воссияло ему всеобще-человеческое содержание Гомера, трагиков, Пиндара и Платона. И всё же они были для него прежде всего мифическими гештальтами, праобразами той веры, которая прояснилась и выкристаллизовалась только в последние годы. По мере того как ему самому изнутри отчетливее проступало его античное кровное наследство, его природная античность находила все больше «отдаленного сходства» и родственных знаков с античностью исторической. Чем больше его воля просвечивалась в сознании, так, что ей можно было теперь учить, тем более приближался к нему — изо всех провидцев и певцов — мудрец правителей и пестователь людей *Платон*. Его творчество, кажется, единственное из всей античности, которое он понял братски, а не только мифически, одновременно как уникальный личный язык и как вечный гештальт⁶³.

По убеждению Гундольфа, Платон — с его вечным кругооборотом веры, силы, крови, любви, узрения и воли — дает более адекватный ключ к пониманию Георге, чем случайно-исторические предпосылки новейшей литературы⁶⁴. И наконец, отнюдь не в последнюю очередь Платон для Георге — учитель любви. Как и у Платона, у Георге (особенно в позднем сборнике «Звезда союза») «Эрос служит посредником между человеком и богом, той силой, через которую действует и проявляет себя двуединство человека и бога»⁶⁵.

Уже упоминавшийся Оскар Бенда отмечал неслучайную роль Платона в «третьем гуманизме»: весь этот поворот к античности становится ясным, когда осознаёшь, что витальное средоточие этого движения занимает Платон, обосновывавший олигархическую деспотию против демократического полиса; этот выбор задает недвусмысленный ориентир для послушников по части того, как нужно истолковывать миссию и структуру их круга. «Третьему гуманизму» свойствен-

⁶³ Gundolf, 1920, 52.

⁶⁴ Ibid., 244.

⁶⁵ Ibid., 255.

на недвусмысленная ориентация образования на платоновскую *аристопедию*. В этом подлинное содержание смутного термина «пайдейя»⁶⁶.

Платон занимал место среди георгеанских «святых» сначала как певец Эроса. Его «продвижение» в лидеры Пантеона было связано с политическим поворотом в эволюции Круга. Так или иначе с конца 1950-х годов в исследовательской литературе о Круге циркулирует статистика, которая, кажется, не перестает удивлять германистов-георгеведов: среди всех тотемических георгеанских святых именно Платону Круг посвятил больше всего публикаций. Хотя абсолютные цифры нужно принимать в данном случае с большой осторожностью (неясны критерии, в частности, что касается рецензий; не все тексты были известны к моменту подсчета и т.д.), но зато сравнение весьма поучительно. Платон выходит бесспорным лидером: ему георгеанцы посвятили 26 публикаций; за ним следуют с огромным отрывом Гёльдерлин (7 публикаций) и Гёте (6), затем Шекспир (4), Наполеон (3) и, наконец, Цезарь, Фридрих II и Данте (по 2)⁶⁷.

Платон никогда не был здесь просто предметом научного исследования. Именно поэтому Платон пришелся, с точки зрения Круга, как бы не по зубам науке: предмет сам оказывался способным вдохновить радикальную критику науки. Выбор Кругом именно Платона был вызовом дисциплинарным принципам новейшей классической филологии, отбросившей романтические идеи гения, шедевра и проч. и уравнивавшей всех авторов и все произведения пред строгим ликом науки, не желающей более признавать любимчиков, но требующей ко всем одинакового «позитивистского» отношения.

Ученик Хайдеггера философ и теолог Герхард Крюгер, автор влиятельной книги о платоновском эросе и один из редких «вне-круговых» университетских

⁶⁶ Benda, [1931], 1945, 13.

⁶⁷ Starke, 1959, 7–9.

ученых, открыто признавших свой долг перед Георге, сформулировал дилемму, перед которой стоял любой автор его эпохи, пишущий о Платоне:

Как и современные науки о духе в целом, платоноведение впервые возникло в такой ситуации, в которой живая преемственность прошлому, в особенности античности, умолкла: в своем отношении к собственной истории современной историческая наука, со всей ее пользой и вредом, заступила на место традиции, от которой тоже была своя польза и свой вред: известный вред от недостатка исторического сознания, но и менее известная польза, что она на свой манер разделяла чаяния, свойственные прошлому, поэтому доступ к нему не представлял для нее труда. Современное исследование именно в этом отношении ей уступает: та же самая внутренняя дистанция от прошлого (которая и делает из него подлинную историческую науку) мешает ему постичь в изначальном смысле и ценности то, ради чего люди некогда жили и умирали. Тот факт, что платоноведение выработало себе так много филолого-исторического и так сравнительно мало сущностно-философского понимания, вовсе не удивителен, если вспомнить о его исторической ситуации, принципиально заданной разрывом с традицией и вообще ставшей возможной лишь благодаря этому разрыву⁶⁸.

Таким был вызов, на который ответил георгеанский платонизм. К этой формулировке Крюгера следует добавить, однако, что георгеанцы полагали, что доступ к прошлому дается им через активно-плотское присутствие в самой что ни на есть актуальной современности.

⁶⁸ Krüger, [1939], 2.Aufl. 1948, XI–XII.

Научное издание

Серия «Исследования культуры»

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

СПОР О ПЛАТОНЕ:
КРУГ ШТЕФАНА ГЕОРГЕ
И НЕМЕЦКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

НАТАЛИЯ ДМУХОВСКАЯ

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (495) 611-15-52

Подписано в печать 01.11.2011. Формат 84×108/32

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 14,8

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 1449. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

www.oaompk.ru

ISBN 978-5-7598-0908-1

9 785759 809081